

Племена и трафик: транссахарские маршруты нелегальной торговли как фактор конфликта в Сахаро-Сахельском регионе

Григорий Валерьевич Лукьянов, ИВ РАН, Москва, Россия

Александр Мартирович Наджаров, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Контактный адрес: glukyanov@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Конфликт в Сахеле, начавшийся в 2012 г., тесным образом связан с феноменом транссахарских нелегальных потоков, пролегающих через Мали, Нигер и Ливию. Эти потоки представляют собой вид транссахарской торговли, в настоящее время состоящей из набора трафиков: наркотрафика, трафика мигрантов, трафика нелегально добытого золота. В данной статье рассматривается фактор этих потоков в конфликтной политэкономии Сахеля.

Утверждается, что появление и интенсификация этих потоков усилили межэтнические и внутриэтнические противоречия между основными племенами, задействованными в этой торговле: туарегами, арабами и тубу. Используя теоретико-методологические наработки по политэкономии конфликтов, авторы показывают: эти потоки не только поддерживали деятельность вооруженных этнических группировок, но сами по себе предоставляли возможность традиционно маргинализированным группам пересмотреть свое положение в социально-экономической иерархии. Этот феномен анализируется в статье на примере трех взаимосвязанных регионов: севера Мали (Азавад), севера Нигера (Агадес) и юго-запада Ливии (Феццан). В статье также рассматривается эволюция географических маршрутов нелегальных потоков и стратегий государственных акторов по их кооптации. Авторы приходят к выводу о центральном характере этих потоков не только в рамках политэкономии конфликта в Сахеле, но и в целом для экономики пустынных регионов, что говорит об устойчивости феномена транссахарской нелегальной торговли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Мали, Нигер, Ливия, Сахель, наркотрафик, миграция

Сахель в переводе с арабского означает «берег». «Морем» этого «берега» выступает Сахарская пустыня – своего рода отражение Средиземного моря, одновременно отрезающее и соединяющее его южный берег с остальной Африкой. Ходить по сахарскому морю издревле было не менее трудным занятием, чем мореплавание: маршруты были известны лишь ограниченному числу лиц, принадлежавших к кочевым племенам арабов и туарегов. Транссахарская торговля лежала в основе сахельских империй Средневековья: империи Ганы, империи Мали, империи Сонгай. В отличие от дороги специй и в широком смысле средиземноморской торговли, транссахарская коммерция оказалась в основном устойчива к геополитическим пертурбациям и даже к разделу Африки. Лишь со временем изменился облик этой торговли: если раньше через Сахару шли сотни, а иногда тысячи верблюдов, то к концу XX в. им на смену пришли пикапы и внедорожники. Поменялась и товарная номенклатура: если раньше через Сахару шло золото и страусиные перья, то в конце XX – начале XXI вв. через самую крупную пустыню планеты пошел поток контрабандных сигарет, пищевых продуктов, к которым в середине 2000-х гг. добавились наркотики, в первую очередь кокаин¹.

Крушение ливийской государственности в результате западной интервенции 2011 г. добавило в транссахарскую торговлю новый элемент – оружие². Оно стало одним из спусковых крючков восстания 2012 г. в Мали, которое впоследствии захлестнуло регион, связав его страны единой «дугой нестабильности» от Мавритании до озера Чад. За последние 12 лет ключевыми негосударственными акторами в сфере безопасности в Сахеле стали транснациональные террористические группировки по типу «Исламского государства в Большой Сахаре»³, «Джамаат Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин»⁴, для которых транссахарская торговля стала ключевым источником доходов, при том что сам процесс слияния террористических и криминальных групп начался еще в 2000-е годы⁵. Однако нельзя говорить, что транссахарская торговля стала источником финансирования только террористических организаций. Она вовлекает в себя значительно большее число игроков: от повстанческих группировок в Мали, Нигере и Ливии до государственных институтов в этих странах. Тем самым она представляет собой узловой элемент сложившейся политэкономии конфликта в Сахаро-Сахельском регионе.

Политэкономия конфликтных зон и негосударственных группировок хорошо изучена в отечественной литературе. Так, И.А. Матвеев в своих трудах детально рассмотрел экономику Исламского государства⁶, а также других квазигосударственных образований на территории бывшей САР, таких как «Автономная администрация северной и восточной Сирии», зона Временного правительства Сирии, Сирийское правительство спасения и другие⁷. Во всех случаях

1 Scheele 2012.

2 Marsh 2017.

3 Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

4 Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

5 Okoli 2024; Mokaddem 2010.

6 Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

7 Матвеев 2022.

значительную роль в экономике играли контрабанда и нелегальная торговля ресурсами. Фактор нелегальных источников доходов, в частности наркотрафика, в финансировании вооруженных группировок также подробно рассматривался в работах Е.А. Степановой¹. На примере Мьянмы, Афганистана и Колумбии автор в своей книге рассмотрела использование наркотиков террористическими организациями и повстанческими группировками для ведения своей деятельности.

Связь терроризма, насилия и нелегальных источников доходов в контексте Сахаро-Сахельского региона также подробно изучена в зарубежной научной литературе. «Индустрии похищений» в Сахеле посвящены работы В. Лахера, Э. Ньянг, И. Окона, В. Оджакоруту и И. Ивары². Индустрия возникла в 2000-е гг., когда такие террористические группировки, как «Движение за единство и джихад в Западной Африке» (*MUJAO*), начали похищать сотрудников западных горнодобывающих компаний, технических специалистов и обычных туристов в Нигере и Мали. Весьма детально изучен феномен западноафриканского наркотрафика, чьи маршруты с 2000-х гг. пролегают через Мали и Нигер³. Наконец, внушительный объем работ написан об индустрии трафика мигрантов, ставшей одной из ключевых причин миграционного кризиса в Средиземноморье и спровоцировавшей экстенсивную интервенцию ЕС и государств – участников объединения в Ливии и странах «Сахельской пятерки»⁴.

Однако приведенные работы в основном написаны на основе устоявшейся каузальной связи: в конфликтных зонах формируется особая политэкономия, основу которой составляют нелегальные виды экономической деятельности: контрабанда, наркотрафик, трафик людей и похищения, незаконная добыча ресурсов. Существенно меньше внимания уделяется обратной связи – конфликтному фактору нелегальных видов экономической деятельности, пресловутых «трафиков»⁵. С приходом в Сахель наркотрафика, а впоследствии – возможностей по организации трафика мигрантов существенным образом изменился характер этнических и властных взаимодействий в транзитных районах. Этот феномен крайне подробно освещен в диссертационном исследовании Т. Хинкеля, в котором на примере севера Мали (Азавад) показано, как появление в регионе возможностей для трафика людей и наркотиков привело к социетальному взрыву⁶. С трансформацией этих трафиков маргинализированные туарегские и арабские кланы получили возможность пересмотреть сложившуюся социально-экономическую иерархию, что стало одной из движущих сил конфликта в Азаваде, впоследствии распространившегося на регион. В этой статье мы утверждаем, что схожие процессы проходили в Нигере и Ливии – странах, непосредственно связанных с Мали пресловутыми «потокami».

Как уже отмечалось выше, тема нелегальных «потоков» в Сахеле подробно изучена в зарубежной литературе. Академические исследования выступали в каче-

1 Степанова 2005.

2 Lacher 2012; Niang 2014; Okon et al. 2024.

3 Julien 2011; Shaw, Reitano 2014; Raineri, Stazzeri 2015; Lounnas 2018; Raineri, Stazzeri 2022.

4 Bøås 2021; Weihe et al. 2021; Lensari, Sidi-Ahmed 2019; Rizk 2021; Frowd 2021; Frowd et al. 2023.

5 Процессы такого рода на примере стран Магриба получили освещение в отечественной историографии, в частности в монографии В.А. Кузнецова: Кузнецов 2018.

6 Hinkel 2024.

стве аналитического сопровождения политики западных игроков в регионе. Стоит отметить работы Л. Раинери, Ф. Страццари, А. Беншарифа и А. Кампана, А. Терстона и других западных исследователей¹. Их труды посвящены преимущественно Мали и Нигеру, а также остальным странам сахельской пятерки. В случае Ливии стоит отметить труды В. Лахера, Ф. Манган, М. Микаллефа². Статья во многом опирается на доклады ООН по наркотрафику в Сахеле, доклады сформированной СБ ООН группы экспертов по Мали, широко освещающие проблему транснациональной преступности и нелегальных потоков на севере страны; публикации некоммерческой организации (НКО) *Global Initiative Against Transnational Crime*, также детально рассматривающие нелегальную транссахарскую торговлю; доклады аналитического центра *Small Arms Survey*, изучавшие торговлю легким и стрелковым оружием, а также племенной фактор в конфликте на юге Ливии³. Существенным ограничением выбранной темы является недостаток верифицируемой информации. К примеру, оценить объем трафика наркотиков через Сахару можно лишь ориентировочно; аналогично ситуация обстоит и с трафиком оружия.

Методологически эта статья опирается на концепт «политической экологии войны», изложенный в книге канадского исследователя Ф. Ле Бийона «Грабительские войны» и адаптированный в исследовании Т. Хинкела⁴. В книге представлены три фактора ресурсов в конфликте: ресурсная уязвимость, вызванная ресурсами мотивация и предоставляемые ресурсами возможности. Оговоримся, что трафик (поток), проходящий через рассматриваемые нами районы, а именно север Мали, север Нигера и юг Ливии, является ресурсом. Под уязвимостью понимается классическое «ресурсное проклятие»: ресурсы препятствуют институциональному развитию и воспроизводят конфликт. До определенного момента это подходит под описание ситуации в Мали, Нигере и Ливии, однако это не находится в локусе нашего исследования. Под «мотивацией» понимается противостояние за контроль над ресурсами, которое объясняет поведение вооруженных акторов. Наконец, под «возможностями» понимаются собственно возможности, которые ресурсы создают для вооруженных групп. В фокусе нашего исследования лежат последние два фактора, особенно – возможности, которые транссахарская торговля создала для племен и вооруженных группировок Сахары и Сахеля.

Географически это исследование ограничено севером Мали, севером Нигера или регионом Агадес, а также юго-западом Ливии (Феццан). За скобками из соображений объема сознательно оставлен «район трех границ» (Липтако-Гурма⁵), восточный Сахель, границы Сахеля со странами Гвинейского Залива. В этническом отношении в статье рассматриваются туареги Мали, Нигера и Ливии, их клановые конфедерации и аффилированные с этими конфедерациями воору-

1 Raineri, Strazzari 2023; Bencherif, Campana 2020; Thurston 2020.

2 Lacher 2020; Mangan 2020; Micallef 2019.

3 "Reports of the Panel of Experts Established Pursuant to Security Council Resolution 2374 (2017) on Mali," United Nations Security Council, accessed January 20, 2025, <https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/2374/panel-experts/reports>; "TOCTA – Drug Trafficking in the Sahel," United Nations : Office on Drugs and Crime, accessed January 20, 2025, <https://www.unodc.org/unodc/en/drug-trafficking/tocta.html>; "GI-TOC Observatory of Illicit Economies in North Africa and the Sahel," Global Initiative, accessed January 20, 2025, <https://globalinitiative.net/observatory/nas-obs/>; "Resource Library. Small Arms Survey," accessed January 20, 2025, https://www.smallarmssurvey.org/resources?combine=&sort_by=field_date_value&type=All&theme=All®ion=54&language=All.

4 Le Billon, Philippe 2014.

5 В фокус статьи попадают лишь малийские районы Гао и Менака, которые входят в «район трех границ».

женные группировки; арабские племена Мали и Ливии, их конфедерации и группировки, а также племена тубу Нигера и Ливии. Кроме того, мы рассматриваем вовлеченность государственных акторов в транссахарскую торговлю в вышеуказанных районах и их взаимодействие с рассматриваемыми этническими группировками.

Ключевые племенные акторы и их особенности

В данной статье рассматриваются три народности, проживающие в обозначенных районах: туареги, арабы и тубу. Эти народности разделены на племена (племенные конфедерации) и кланы. Крайне важно отметить, что среди кочевых народов Сахеля сложилась многовековая социальная иерархия этих конфедераций и кланов.

Так, в случае туарегов в исследовании рассмотрены племенные конфедерации Мали: в первую очередь конфедерация кель адрар, но также упоминаются конфедерации шеменнамас, ишиденхарен, дабакар, дасуссахак. В случае Нигера речь идет о туарегах конфедерации кель зуэй. Отметим, что в Мали ведущее место в социально-политической иерархии занимала племенная конфедерация кель адрар, во главе которой стояли кланы кель ифорас (ифогас) и кель иднан, т.н. благородные кланы¹. Исторически эти кланы представляли собой кланы воинов и священнослужителей. В отличие от многих других кланов, которые располагались южнее, ифорас и иднан в меньшей степени зависели от отгонного животноводства. Будучи кочевниками, они контролировали транссахарские маршруты торговли, владея главным «пустынным активом» – стадами верблюдов.

Аналогичная ситуация сложилась и применительно к арабской общине в Мали. «Благородным» племенем воинов считалось племя кунта, в то время как такие племена, как берабиш и тилемси, занимались в первую очередь отгонным животноводством. «Благородство» племен и их положение в социальной иерархии не стало сугубо условным даже после краха скотоводческой экономики Азавада в 1970–1980-е годы². «Благородные» племена по-прежнему получали символическую дань от других племен в знак уважения к их статусу. Наконец, они контролировали основные потоки контрабанды, поскольку обладали наиболее развитой сетью контактов и ресурсной базой.

Ситуация отличалась на севере Нигера и на юге Ливии. Столь сильного кланово-племенного расслоения в этих районах не существовало. Они отличались этническим разнообразием, и социальный статус той или иной этнической группы и конкретного племени мог меняться со временем. Однако в целом арабы, туареги и тубу Нигера, так же как и туареги и тубу Ливии, были маргинализированными группами в своей новейшей истории. Исключение составляли лишь определенные племена юга Ливии. Однако во всех этих случаях появление новых нелегальных потоков предоставило племенам возможность пересмотреть свое место в социально-экономической иерархии.

1 Lecocq 2010.

2 Hinkel 2024.

Феномен «потоков». Маршруты и их описание

Потоки нелегальных товаров массово появились в Сахеле в 2000-е годы. Латиноамериканские картели наладили поставки кокаина в Гвинею и Гвинею-Бисау¹. Далее кокаин шел в Мали, где на севере страны его переправляли в Алжир туареги и арабы из традиционно «неблагородных» кланов, таких как туарегское племя имгад и арабское племя берабиш². Масштаб операций стал известен, когда в 2009 г. к северу от Гао были обнаружены обломки самолета *Boeing 727*, перевозившего 10 тонн кокаина³. Маршруты, по которым транспортировали кокаин, совпадали с традиционными контрабандными путями, по которым перевозились сигареты: это был либо путь через горы Адрар-Ифорас до Таманрасета в Алжире, либо же маршрут через малийско-нигерскую границу до Агадеса, а оттуда – до пограничного перехода Туммо на северо-востоке Нигера⁴. Отметим, что малийско-нигерская граница задолго до начала конфликта представляла собой слабо контролируемую территорию, особенно на севере.

Другим наркопотоком, проходившим через малийскую территорию, был поток каннабиса из Марокко (гашиш)⁵. Он попадал в Мали из Мавритании через регион Таоденни, который контролировался местными арабскими племенами⁶. Далее каннабис распространялся по всему Сахелю, в том числе в Нигер, попадая оттуда в Ливию. Важно отметить, что, по сравнению с кокаином, «входной порог» для участия в трафике каннабиса был значительно ниже, и ввиду этого наркотик не шел после попадания в Мали по какому-либо единому маршруту⁷.

Ситуация принципиальным образом изменилась в 2011–2012 гг.: изменились маршруты, их направленность и номенклатура. По итогам западной интервенции в Ливию запасы оружия с ливийских складов – в первую очередь, легкое и стрелковое оружие, ПТРК, ПЗРК, минометы, патроны, боеприпасы – начали идти в Сахель через границу с Нигером и Алжиром⁸. Ключевым перевалочным пунктом в этом маршруте был город Гат, центр туарегской общины Ливии⁹. Важно отметить, что оружие шло вместе с бойцами: в 2012 г. в Мали начали массово возвращаться бывшие солдаты «Исламского легиона» М. Каддафи, многие из которых участвовали в восстаниях 1962–1964 и 1990–1996 годов¹⁰. В большинстве они принадлежали к «благородным» туарегским кланам ифорас и иднан, которые стояли во главе восстаний и наиболее пострадали в результате репрессий Бамако¹¹. Как выражались сами малийские туареги, «братья вернулись с оружием».

1 Alexandre Bish, "The Second Coming of West Africa's Cocaine Trade?" Global Initiative, March 18, 2019, accessed February 4, 2025, <https://globalinitiative.net/analysis/the-second-coming-of-west-africas-cocaine-trade/>; Bird Ruiz-Benitez de Lugo Lucia, "West Africa's Cocaine Corridor: Building a Subregional Response," Global Initiative, April 28, 2021, accessed February 4, 2025, <https://globalinitiative.net/analysis/west-africas-cocaine-corridor/>.

2 Raineri, Strazzari 2015.

3 Abdelkader Abderrahmane, "Drug Trafficking and the Crisis in Mali," Institute for Security Studies, August 6, 2012, accessed February 4, 2025, <https://issafrica.org/iss-today/drug-trafficking-and-the-crisis-in-mali>.

4 Mark Micallef, Alexandre Bish, "After the Storm: Organized Crime across the Sahel-Sahara Following Upheaval in Libya and Mali," Global Initiative, November 21, 2019, accessed February 4, 2025, <https://globalinitiative.net/analysis/after-the-storm/>.

5 Lacher 2012.

6 Micallef, Bish 2019.

7 "Final Report of the Panel of Experts Established Pursuant to Security Council Resolution 2374 (2017) on Mali and Renewed Pursuant to Resolution 2484 (2019)," United Nations Digital Library, accessed February 4, 2025, <https://digitallibrary.un.org/record/3876820?v=pdf>.

8 Marsh 2017.

9 Guichaoua 2015.

10 Boas, Torheim 2013.

11 Lecocq 2010.

В 2010-е гг. также сформировался феномен массового организованного трафика мигрантов. Растущая нестабильность в Сахеле, а также в странах Западной и Центральной Африки – Нигерии, ЦАР, Камеруне, ДР Конго – спровоцировала беспрецедентную волну миграции в первой половине 2010-х годов. Ключевой транзитной точкой на пути мигрантов стал Нигер, в частности город Агадес. Из Агадеса поток разделялся на две части: основной поток шел в алжирский Таман-рассет, меньший поток по пустыне добирался в Ливию по маршруту Агадес – Дирку – Мадама – Катрун (Ливия) – Мурзук / Себха¹. В результате этого потока Таманрассет превратился в город, где мигранты фактически стали большинством. Ввиду угрозы бесконтрольной миграции и давления со стороны европейских стран Алжир значительно усилил пограничный контроль в 2015–2017 гг., фактически закрыв границу с Нигером. Европейское давление особенно велико было в Нигере. Поскольку Ниамей, как и другие государства «Сахельской пятерки», находился во французской сфере влияния, зависел от финансовой помощи и поддержки в сфере безопасности в свете начавшейся в 2014 г. французской военной операции «Бархан», в 2015 г. был принят уникальный для стран Сахеля закон, который делал перевозку мигрантов и способствование этим перевозкам уголовным преступлением². Однако после спада в 2017–2019 гг. миграционный поток возобновился с новой силой, но уже пошел по устоявшемуся маршруту по направлению на Себху.

В то же время другие потоки сместились несколько западнее. Трафик кокаина пережил спад ввиду усиленной конфликтности на севере Мали и в Феццане: пограничные переходы были недоступны из-за столкновений между племенами за контроль над трафиком³. Однако в силу крайне высокой маржинальности этого вида наркотрафика договоренности по его сохранению были достигнуты между руководством племен в Мали, Нигере и на юге Ливии. В настоящее время трафик кокаина идет через Пас-де-Сальвадор (перевал Сальвадор) на северо-западе Нигера⁴. Это гористая, труднопроходимая местность исторически была одним из маршрутов для контрабанды сигарет и топлива. Однако в 2010-е гг. здесь прошел ключевой маршрут транспортировки кокаина, каннабиса, а также дешевого синтетического наркотика трамадола⁵, который поступал из Индии и Китая через страны Гвинейского Залива в Нигер, а затем, попадая в Ливию, распространялся по Магрибу⁶.

Однако перевал Сальвадор стал ключевой точкой и в других нелегальных маршрутах. Речь идет о трафике «теневого золота», добываемого кустарным путем в залежах на севере Нигера и на юге Ливии⁷. Проблема контроля над этими потоками и, в частности, над маршрутом через перевал Сальвадор стала одной из причин конфликтов на севере Нигера и в Феццане. Продолжающийся конфликт в Мали также неразрывно связан с контролем над нелегальными по-

1 Micallef, Bish. 2019.

2 Frowd 2021.

3 Micallef, Bish 2019.

4 Hassan 2024.

5 Трамадол, будучи лекарственным средством (анальгетиком), представляет собой «опиат для бедных», оказывая болеутоляющее воздействие. Он приобрел высокую популярность среди магрибской бедноты и субсахарских мигрантов.

6 Карта нелегальных потоков на севере Мали, в Нигере и на юге Ливии – см.: Micallef, Bish 2019.

7 Raineri 2020.

токами. Однако эти потоки сами по себе создали уникальную конфликтную политическую экономию рассматриваемых регионов и в значительной мере привели к ребалансировке межэтнических отношений.

Ключевые товары, племенной фактор и их влияние на конфликт

Мали

Трафик кокаина еще в 2000-е гг. существенным образом начал влиять на межэтнические и внутриэтнические отношения на севере Мали, которые были обострены еще во время конфликта 1990–1996 годов. Значительные перемены в туарегском обществе, вызванные засухой 1970–1980-х гг., урбанизацией, репрессиями со стороны малийского государства, привели к появлению особой культуры – тешумара¹. Это движение урбанизированной, безработной туарегской молодежи ставило своей целью как улучшение положения Азавада в самом Мали, так и пересмотр многовековой иерархии конфедераций и кланов в туарегском обществе. Ишумар (представители тешумары) стояли у истоков вооруженных группировок, отколовшихся от введомой «благородными» туарегскими кланами конфедерации кель адрар организации «Патриотическое движение Азавада» (MPA). Созданные ими организации – «Революционная армия освобождения Азавада» (ARLA), «Народный фронт освобождения Азавада» (FPLA), «Объединенный фронт освобождения Азавада» (FULA) – включали в себя другие, менее «благородные» кланы из конфедерации кель адрар, в первую очередь кель имгад, туарегские кланы других конфедераций (шеменнамас, ишиденхарен, дабакар, дасуссахак – эти конфедерации населяли восток и юг Азавада вдоль течения реки Нигер, в то время как кель адрар – север региона)². В названные организации также входили «неблагородные» арабские племена, по типу племени берабиш³.

Однако их противостояние с «благородными» туарегскими и арабскими племенами, которые традиционно объединялись в период восстаний, закончилось неудачей. «Благородные» племена и кланы, пусть и утратившие свое традиционное историческое преимущество в виде обладания стадами верблюдов – главного транспортного средства до появления массовых пикапов и внедорожников, – контролировали контрабандные потоки (сигареты, бензин). Подобного рода контрабанда имела оптовый характер, требовала существенной организации и соответствующего уровня вооруженной защиты⁴. В итоге на традиционных «хозяев пустыни» работал и географический фактор: контрабандные пути пролегали через их исторические территории.

Включение кокаина в наркотрафик вместе с распространением внедорожников и GPS-навигации дало возможность менее «благородным» племенам

1 Lecocq 2010. *Teshumara* – переложение на тамашек французского слова *chômage* (безработица).

2 Ibid.

3 Raineri, Stazzari 2015.

4 Scheele 2012.

пересмотреть социальную иерархию¹. Это яркий пример того, о чем писал Ф. ле Бийон: появление нового ресурса изменило поведение акторов. Наркотрафик позволил туарегам из клана имгад и «неблагородным» арабским племенам значительно увеличить свое влияние в регионе, выйдя из тени традиционных лидеров Азавада². Одновременно с этим начался процесс слияния наркопреступности и экстремистских группировок, которые начали закрепляться в регионе путем укоренения в традиционно маргинализированных сообществах. Речь идет в первую очередь об Аль-Каиде в Исламском Магрибе (АКИМ)³ и ее лидере в Сахеле М. Бельмохтаре⁴. М. Бельмохтар даже женился на представительнице традиционно «неблагородного» арабского племени берабиш⁵.

В свою очередь, малийское правительство также решило воспользоваться появлением нового вида трафика. Режим президента А.Т. Туре (2002–2012) поощрял наркотрафику, который осуществляли соперники «благородных» племен⁶. В Ливийской Арабской Джамахирии наркотрафик и вовсе находился под контролем спецслужб. В Нигере правительство вообще утратило контроль над большей частью Агадеса в 2007–2009 гг. в результате очередного туарегского восстания конфедерации кель эйр. В то же время возвышение «неблагородных» племен на севере Мали привело к стычкам в 2006 г., которые завершились подписанием соглашения с малийским правительством, предоставившим большую автономию Азаваду. Однако в сущности конфликт был лишь отложен.

Вспыхнувшее в 2012 г. в Мали восстание отразило эти сложившиеся изменения. Основные группировки, начавшие вооруженную борьбу, – «Национальное движение за освобождение Азавада» (*MNLA*) и «Ансар ад-Дин», созданная лидером восстания 1990–1996 гг. Иядом Аг Гали, – включали в себя представителей «неблагородных» племен⁷. В частности, в руководстве группировки «Ансар Ад-Дин», созданной Иядом Аг Гали, туарегом из «благородного» клана ифорас, было значительное количество арабов из «неблагородного» племени берабиш, которые играли значительную роль в наркотрафике⁸.

Борьба за контроль над трафиком стала одним из определяющих факторов внутриазавадского конфликта, который фактически начался одновременно с восстанием. Малийское правительство во главе с И.Б. Кейтой поддерживало в нем традиционных противников «благородных» туарегских и арабских племен, чьи группировки в 2014 г. объединились в «Платформу движений 14 июня» во главе с группировкой клана имгад *GATIA* и условно промалийским движением «Арабское движение Азавада» (*MAA*)⁹¹⁰.

Ситуация начала принципиальным образом меняться после второго вооруженного переворота в Мали в 2021 г., завершения операции «Бархан» и вывода

1 Ibid; Hinkel 2024.

2 Hinkel 2024.

3 Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

4 Thurston 2020.

5 Ibid.

6 Shaw, Tinti 2014.

7 Hinkel 2024.

8 Ibid.

9 Существуют три группировки с таким названием, две из них носят сепаратистский характер.

10 Rémi Carayol, "Mali : À Quoi Joue Le Général Gamou ? (Mali: What is General Gamou Playing at?)," *Jeune Afrique*, October 18, 2016, accessed February 4, 2025, <https://www.jeuneafrique.com/mag/363608/politique/mali-a-quoi-joue-le-general-gamou/>.

миротворческой миссии ООН *MINUSMA* в связи с началом наступления малийской армии. Восстановление контроля над Кидалем, Тессалитом, Менакой и другими населенными пунктами в 2023–2024 гг. при поддержке бойцов российских ЧВК и Африканского корпуса Министерства обороны Российской Федерации существенным образом изменило динамику наркотрафика. Если раньше малийское государство фактически позволяло условно промалийским группировкам Платформы участвовать в трафике, чтобы иметь противовес военно-политическому объединению условно «благородных» группировок «Коалиция народа Азавада» (*CPA*), то с 2023 г. ситуация изменилась: большинство подобных группировок примкнуло к своим бывшим соперникам из *CPA*, с которыми в 2024 г. было подписано соглашение о создании «Национального фронта освобождения Азавада». В то же время увеличился объем наркотрафика, проходящего через Мали¹. Ряд франкоязычных изданий и вовсе начал обвинять военное правительство Мали в прямом способствовании трафику².

На примере Мали видно, как появление новых видов трафика – в первую очередь наркотрафика – привело к возникновению новых возможностей для акторов, которые стремились пересмотреть социально-экономическую иерархию региона еще с 1990-х годов. Случай Мали также показывает эволюции стратегий правительства в отношении подобного рода потоков: от невмешательства до их использования в политических целях и, как показывают последние события, до установления более жесткого контроля над потоком.

Нигер

Ситуация в Нигере отличается от Мали тем, что основным потоком, помимо наркотрафика, идущего из Мали, выступают мигранты. Данный трафик создал принципиально другой тип взаимодействий между традиционно маргинализированными этническими группами севера Нигера. Этническая история современного Нигера во многом похожа на историю Мали: она описывается противостоянием негроидного земледельческого большинства с кочевым туарего-арабским меньшинством на севере страны.

Восстания 1990-х и 2007–2009 гг. в регионе Агадес представляли собой альянс трех этнических групп – туарегов, арабов и тубу, – выступавших за расширение автономии и увеличение доходов региона от добычи минеральных ресурсов, в первую очередь урана и золота³. Своеобразным инструментом кооптации и умиротворения восставшего региона со стороны правительства Нигера стало разрешение влиятельным туарегским кланам организовать перевозки мигрантов из Западной и Центральной Африки до Алжира и Ливии. На управленческие посты в Агадесе были также назначены лидеры восстаний 1990–1996 и 2007–2009 гг.: Р. Аг Бул-

1 “Explosion du Narcotrafic au Sahel: Autopsie d’une Overdose Qui Fait Convulser l’Europe (Drug Trafficking in the Sahel: Autopsy of an Overdose That Has Europe Convulsing),” *Contre-Poison*, July 19, 2024, accessed February 4, <https://contre-poison.fr/explosion-du-narcotrafic-au-sahel-autopsie-dune-overdose-qui-fait-convulser-leurope/>.

2 “Nord Mali: Entre Jihadistes et Puissants Barons Locaux, les Secrètes Alliances de la Junte (Northern Mali: Between Jihadists and Powerful Local Barons, the Junta’s Secret Alliances),” *Africa Intelligence*, December 23, 2022, accessed February 4, 2025, <https://www.africaintelligence.fr/afrique-ouest/2022/12/23/nord-mali-entre-djihadistes-et-puissants-barons-locaux-les-secretes-alliances-de-la-junte,109876060-eve>.

3 Guichaoua 2009.

ла и А. Аламбо¹. Тесно связанной с режимом президента Нигера М. Исуфу была транспортная компания *Rimbo Transport Voyageurs*, обладающая одной из самых развитых сетей сообщения в Западной Африке². Принадлежала она М. Риссе Али, туарегскому бизнесмену. Другим важным лицом перевозок мигрантов вплоть до своей смерти был Э. Шериф Ульд Абидин, известный также как Шериф Кокаин из-за его роли в уже рассмотренном трафике кокаина³. Шериф Кокаин принадлежал к дермашака, одному из арабских племен Нигера, которое проживает в районе города Тахуа к югу от Агадеса.

Финальным звеном в цепи перевозок мигрантов до Алжира и Ливии выступали тубу. Если до Агадеса и Тахуа мигранты добирались организованно, на автобусах, то путь через Сахару осуществлялся на пикапах и внедорожниках, за рулем которых и были тубу, выполнявшие функции перевозчиков (*passeurs*). Они же играли роль посредников (*cocheurs*) – тех, с кем мигранты договаривались, чтобы попасть в число пассажиров⁴. Такое распределение труда объяснялось тем, что пограничный переход Туммо со стороны Ливии контролировали именно тубу. Таким образом, была выстроена система организованных перевозок и рэкеты мигрантов в Нигере, которая одновременно выступала инструментом кооптации и умиротворения региона. Стоит отметить, что в отличие от юго-запада Нигера, который оказался втянут в тренд дестабилизации и растущего джихадизма, Агадес – несмотря на близость к нестабильному Азаваду – не стал новым очагом терроризма в Сахеле.

Однако международное давление на Нигер, которое привело к принятию закона 2015 г. о криминализации перевозки мигрантов, привело к реструктурированию потоков⁵. Город Агадес во многом потерял свою роль в качестве основного транзитного хаба – маршрут перевозки мигрантов сместился на восток. Главными проигравшими в связи с этим были обычные туареги, которые потеряли источник доходов в виде сервисной инфраструктуры города, а также «сборов» с мигрантов на пути в Агадес. Своего рода компенсацией со стороны Ниамея стало разрешение вести кустарную добычу золота на месторождениях Чибаракатен и Джадо⁶. Однако наиболее концентрированно и организованно кустарная добыча ведется именно в Чибаракатене; контроль за ней осуществляет С. Ибрахим, принадлежащий к клану кель эзуй конфедерации кель эйр⁷. Ранее он был крупной фигурой в наркотрафике и перевозках мигрантов. В то же время правительство Нигера периодически проводило рейды на месторождении Джадо, где в основном добычу вели тубу⁸. Подобная политика свидетельствует о стремлении Ниамея поддерживать определенный этнический баланс

1 Molenaar 2017.

2 Ibid.

3 Ibid.

4 Flore Berger, Alice Fereday, Matt Herbert, Emadeddin Badi, Rupert Horsley, "Human Smuggling and Trafficking in North Africa and the Sahel – 2024," Global Initiative, October 7, 2024, accessed February 4, 2025, <https://globalinitiative.net/analysis/human-smuggling-and-trafficking-in-the-sahel-2024/>.

5 "Niger: Loi No. 2015-36 Du 26 Mai 2015 Relative Au Trafic Illicite de Migrants (Niger: Law No. 2015-36 of May 26, 2015 Relating to the Illicit Trafficking of Migrants)," Refworld, accessed February 4, 2025, <https://www.refworld.org/legal/legislation/natleg-bod/2015/fr/123771>.

6 Mathieu Pellerin, "Beyond the 'Wild West': The Gold Rush in Northern Niger," Small Arms Survey, June 15, 2017, accessed February 4, 2025, <https://www.smallarmssurvey.org/resource/beyond-wild-west-gold-rush-northern-niger>.

7 Raineri 2020.

8 Pellerin 2017.

на севере страны. Однако это также свидетельствует о существенном уровне интеграции туарегских лидеров в нигерскую элиту. В очередной раз это показывает, как появление трафика или ресурса предоставляет акторам возможность пересмотреть свои взаимодействия с другими акторами в рамках конфликтной политэкономии.

Приход к власти военных в 2023 г. принципиальным образом не изменил экосистему нелегальных потоков на севере Нигера. Отмена закона о криминализации перевозок мигрантов не привела к восстановлению потока через Агадес¹. Однако в конечном счете экосистема нелегальных потоков поддерживается со стороны правительства и сохраняет этнический баланс на севере страны. Мигранты и кустарно добытое золото идут в Ливию, где дальше мигранты стремятся попасть в Европу, в то время как золото из Ливии попадает в ОАЭ². Отметим также появление нового вида наркотрафика, в некотором роде эксклюзивного для Нигера – трафика трамадола. Хабом для этого дешевого опиата выступают города Тахуа и Маради³. Примечательно, что зачастую перевозка трамадола осуществляется вместе с нелегальной транспортировкой мигрантов.

Важно отметить, что закрытие южных границ Нигера в результате конфликта со странами ЭКОВАС, который спустя полтора года остается неурегулированным, негативно отражается на нелегальных потоках – как синтетических наркотиков, так и мигрантов. Однако, в отличие от севера Мали и юга Ливии, север Нигера остается относительно стабильным. Свержение президента М. Базума, этнического араба из племени авляд сулейман, также не привело к появлению вооруженной оппозиции на севере страны, что опять-таки демонстрирует устойчивость сложившегося этнического баланса, основанного на теневых экономических потоках.

Ливия

Ситуация на юге Ливии коренным образом отличается от положения дел на севере Мали и на севере Нигера. Во-первых, Ливия представляет собой не транзитную точку, а скорее хаб дистрибуции нелегального трафика: кокаина и других наркотиков, мигрантов, золота. Исключение составляет лишь трафик оружия, для которого юг Ливии является именно транзитной зоной. Во-вторых, на юге Ливии на протяжении достаточно долгого времени отсутствовал фактор государственных акторов: борьба за трафик шла между негосударственными игроками, вооруженными группировками и племенами. Более того, в случае Ливии конфликт имеет существенно более выраженный этнический характер: противостояние идет между арабами, тубу и туарегами Феццана.

Тубу, туареги и арабы юга Феццана – в первую очередь, племя авляд сулейман – были маргинализированы во времена Ливийской Джамахирии. Туареги

1 "Au Niger, La Junte Abroge Une Loi Contre Les Trafiquants de Migrants (In Niger, the Junta Repeals a Law Against Migrant Traffickers)," *Jeune Afrique*, accessed February 4, 2025, <https://www.jeuneafrique.com/1508833/politique/au-niger-la-junte-abroge-une-loi-contre-les-trafiquants-de-migrants/>.

2 Raineri 2020.

3 Jason Eligh, Lucia Bird Ruiz Benitez de Lugo, Lyes Tagziria, Mouhamadou Kane, "Diffusion, Diversion, Displacement – but Not Disruption," *Institute for Security Studies*, February 15, 2024, accessed February 4, 2025, <https://issafrica.org/research/books-and-other-publications/diffusion-diversion-displacement-but-not-disruption>.

и в особенности тубу выступали в качестве инструментов экспансионистской политики М. Каддафи в 1980-е гг. во время ливийско-чадской войны. М. Каддафи также провозгласил Ливию родиной туарегов, стремясь завлечь больше бойцов из Нигера и Мали в «Исламский легион» для поддержки боевых действий в Чаде¹. Однако после поражения в 1987 г. ситуация существенно изменилась. Тубу и туареги стали люмпенизированным классом Ливии, выступая в виде чернорабочих; они не имели документов и подвергались дискриминации со стороны силовых структур и арабского населения в целом². Однако если туарегам был предоставлен статус наемников в силовой системе Джамахирии, тубу оказались в самом низу социальной иерархии. В свою очередь, авляд сулейман постигла схожая с туарегами участь: после их возвращения из Нигера в Ливию по инициативе М. Каддафи они потеряли благосклонность лидера Джамахирии, поскольку их интересы столкнулись с интересами племени лидера Джамахирии – каддафы³.

Ливийская гражданская война 2011 г. привела к резкой перемене баланса сил в Феццане. Тубу – в подавляющем большинстве принадлежащие к племени теда, которое проживает по обе стороны ливийско-нигерской границы, – создали ряд вооруженных группировок, которые воевали против лояльных М. Каддафи сил, в том числе против туарегов, проживавших в Убари и Гате⁴. Впоследствии в 2012 г. тубу создали зонтичную военно-политическую группировку «Фронт тубу по спасению Ливии» под руководством И. Абдельмаджид Мансура, которая начала оспаривать контроль над Себхой у авляд сулейман⁵. В первые годы посткаддафийской Ливии тубу смогли сосредоточить существенное влияние, в особенности – в районе ливийско-нигерской границы. Своеобразной базой операций для тубу выступал Мурзук⁶. Он представлял собой перевалочный пункт для субсахарских мигрантов на пути к Себхе. Кроме того, тубу контролировали кустарную добычу на золотых месторождениях вдоль ливийско-нигерской границы⁷. По договоренности с Триполи ополчения тубу также охраняли месторождение Шарара на юго-западе⁸.

Сложные отношения сложились у тубу с туарегами. В сентябре 2014 г. вооруженные группировки «Фронта тубу» предприняли попытку захвата Убари – одного из центров туарегской общины Ливии⁹. После первоначального успеха туареги при поддержке бригад Мисураты, в частности «Третьей силы», смогли отбить го-

1 Marsh 2017

2 Asma Saïd, "L'ethnie Toubou à l'heure de La Révolution. Les Toubous Dans Le Conflit Libyen (3/5). Les Affrontements Inter-Ethniques: Toubous vs/ Touaregs (The Toubou Ethnic Group at the Time of the Revolution. The Toubou in the Libyan Conflict (3/5). Inter-Ethnic Clashes: Toubou vs. Tuareg)," Les clés du Moyen-Orient, September 25, 2020, accessed February 4, 2025, <https://www.lesclesdumoyenorient.com/L-ethnie-Toubou-a-l-heure-de-la-revolution-Les-Toubous-dans-le-conflit-libyen-3.html>.

3 Asma Saïd, "L'ethnie Toubou à l'heure de La Révolution. Les Toubous Dans Le Conflit Libyen (5/5). Les Affrontements Inter-Ethniques: Toubous vs/ Tribus Arabes (The Toubou Ethnic Group at the Time of the Revolution. The Toubou in the Libyan Conflict (5/5). Inter-Ethnic Clashes: Toubou vs. Arab Tribes)," Les clés du Moyen-Orient, October 12, 2020, accessed February 4, 2025, <https://www.lesclesdumoyenorient.com/L-ethnie-Toubou-a-l-heure-de-la-revolution-Les-Toubous-dans-le-conflit-libyen-5.html#nh2>.

4 Asma Saïd, "L'ethnie Toubou à l'heure de La Révolution. Les Toubous Dans Le Conflit Libyen (1/5) (The Toubou Ethnic Group at the Time of the Revolution. The Toubou in the Libyan Conflict (1/5))," Les clés du Moyen-Orient, May 8, 2020, accessed February 4, 2025, <https://www.lesclesdumoyenorient.com/L-ethnie-Toubou-a-l-heure-de-la-revolution-Les-Toubous-dans-le-conflit-libyen-1.html>.

5 Ibid.

6 Jérôme Tubiana, Claudio Gramizzi, "Lost in Trans-Nation: Tubu and Other Armed Groups and Smugglers along Libya's Southern Border," Small Arms Survey, December 15, 2018, accessed February 4, 2025, <https://www.smallarmssurvey.org/resource/lost-trans-nation-tubu-and-other-armed-groups-and-smugglers-along-libyas-southern-border>.

7 Ibid.

8 Rebecca Murray, "Southern Libya Destabilized: The Case of Ubari," Small Arms Survey, April 15, 2017, accessed February 4, 2025, <https://www.smallarmssurvey.org/resource/southern-libya-destabilized-case-ubari>.

9 Ibid.

род, который после дальнейших стычек все же перешел под контроль тубу. Туареги были вытеснены к Гату. Одновременно с этим продолжались конфликты между тубу и арабскими племенами, авляд сулейман, а также магарха. Ситуация коренным образом изменилась в 2019 г., когда ЛНА начала широкомасштабное наступление в регионе, которое было направлено в первую очередь на взятие под контроль нефтяных месторождений Шарара и Эль-Филь, но также на установление контроля над границей, в частности – над перемещениями между Ливией, Нигером и Чадом повстанцев-тубу из Чада¹. Действия ЛНА носили ярко выраженный этнический характер: приход сил Х. Хафтара приветствовался арабскими племенами, в то время как тубу и часть туарегов заключили перемирие, чтобы противостоять наступлению ЛНА в Убари, который им так и не удалось удержать. Стоит отметить, что существенное число ливийских туарегских лидеров поддержало ЛНА²; по состоянию на 2024 г. можно сделать вывод об их кооптации силами Х. Хафтара.

По итогам столкновений 2019–2020 гг. Ливийская национальная армия смогла взять под контроль Гат, Гадамес, Убари, Себху и Мурзук³. Однако выйти на ливийско-нигерскую границу ЛНА так и не удалось: она осталась под контролем тубу. Тубу остаются главными перевозчиками мигрантов и кустарно добытого золота; через них также идет трафик трамадола из Нигера⁴. Трафик, который идет через перевал Сальвадор, по большей части контролируют арабские племена авляд сулейман, магарха, второстепенную роль играют ливийские туареги⁵. В последнее время также наметился тренд на централизацию присутствия ЛНА в Феццане: 128-я бригада, которая во многом состоит из арабских племен Феццана, в первую очередь авляд сулейман, была переименована в 15-ю мотострелковую дивизию, а на место командира бригады Х. Аз-Задимы, тесно связанного с авляд сулейман, был назначен ставленник семьи Хафтаров – Бен Иса Мухаммад Салих аль-Маджри⁶. В сущности, аналогично ситуации в Мали и Нигере государственный актор стремится поставить под больший контроль нелегальные потоки (мигранты, золото, наркотики) и прибыль от них.

Роль нелегальных потоков в контексте политэкономии сахельского конфликта

Возвращаясь к теории Ф. ле Бийона и ее применимости в контексте сахельского конфликта, нельзя не заметить своего рода «эмансипирующий» эффект появления возможностей по организации нелегальных групп на территории Мали, Нигера и Ливии. Рискованные перевозки кокаина и каннабиса, опасная кустарная добыча золота ввиду постоянной угрозы нападения бандитов, перевозки мигрантов вне дорог и по пустыне в обход силовиков и французских воен-

1 Asma Said, "L'ethnie Toubou à l'heure de La Révolution. Les Toubous Dans Le Conflit Libyen (5/5). Les Affrontements Inter-Ethniques : Toubous vs/Tribus Arabes (The Toubou Ethnic Group at the Time of the Revolution. The Toubou in the Libyan Conflict (5/5). Inter-Ethnic Clashes: Toubou vs. Arab Tribes)," Les clés du Moyen-Orient, October 12, 2020, accessed February 4, 2025. <https://www.lesclesdumoyenorient.com/L-ethnie-Toubou-a-l-heure-de-la-revolution-Les-Toubous-dans-le-conflit-libyen-5.html#nh2>.

2 "Tuareg Tribes Praise Government Initiatives in South Libya," Libya Review, March 12, 2024, accessed February 4, 2025, <https://libyareview.com/42371/tuareg-tribes-praise-government-initiatives-in-south-libya/>.

3 "Libya, Live UA Map," accessed February 4, 2025, <https://libya.liveuamap.com/>.

4 Tubiana, Gramizzi 2018.

5 Micallef, Bish 2019.

6 "Libya: Haftar yuqyl al-liwa' az-Zaadima min qiyadat al-liwa' 128 [Libya: Haftar Dismisses Major General Al-Zadma from Command of the 128th Brigade]," Nova News, January 13, 2025, accessed February 4, 2025, <https://rb.gy/9c5694>.

ных – подобный бизнес на крови и страданиях использовался племенами Сахеля не только для финансирования собственной вооруженной борьбы, но в целом для пересмотра собственного положения в социально-экономической иерархии своих регионов. Стоит отметить, что во многом это им удалось. Говорить о доминировании «благородных» туарегских и арабских кланов в Азаваде более не приходится. Власти Нигера вынуждены закрывать глаза на трафик, реализуемый туарегами, арабами и тубу. Ливийские тубу, несмотря на продолжающийся конфликт с ЛНА, занимают существенно более значимую роль в страновом балансе сил.

Безусловно, необходимо отметить, что доходы от нелегального трафика составили основу существования вооруженных групп во всех трех рассматриваемых районах. Фактически они и «конвенциональная контрабанда» стали чуть ли не единственным средством к существованию в контексте распада прежней модели отгонного животноводства, которой промышляли эти племена. Как таковое отсутствие границ между Мали, Нигером и Ливией создает благодатную почву для разного рода нелегальных трафиков и формирует крайне низкий порог для входа нового вида потока, что видно на примере трафика трамадола. Тем самым феномен этих потоков становится шире политекономии конфликта: потоки в целом формируют основу экономического существования пограничных с Сахарой регионов. В некотором роде это возвращение на много веков назад – только в настоящем случае основу транссахарской торговли составляет не только золото и люди, но также наркотики.

Наконец, стоит отметить тренд на большее вовлечение государственных акторов в нелегальные потоки. У этого процесса есть ряд причин: перехват контроля над потоками лишает доходов от них противостоящие сахельским правительствам вооруженные группировки и предоставляет для самих же государств новые источники дохода. Однако, в свою очередь, это ведет к еще большему укоренению подобного рода потоков в экономиках этих государств в ущерб поиску новых точек экономического развития.

Заключение

Данная статья была направлена на то, чтобы проиллюстрировать современный феномен транссахарской нелегальной торговли, в особенности его взаимосвязь с конфликтом в Сахеле и влияние на поведение различных этнических группировок. Безусловно, тема транссахарских потоков и в целом теневой экономики Сахеля значительно шире. Отдельная конфликтная экосистема существует в «районе трех границ» между Мали, Нигером и Буркина-Фасо; в районе озера Чад; на западе Сахеля, в районе Мавритании и Сенегала. Эти географические сюжеты остаются для будущих исследований.

Принципиально важным представляется определенное переворачивание исследовательской оптики в нашей статье. Нелегальные потоки являются не только инструментом в руках вооруженных группировок – они создают для них принципиально иные экономические и политические возможности, которые существенно меняют расклад сил в их регионах действия и их положение в социально-экономической иерархии. По аналогии с уже упомянутыми

нами антропологическими исследованиями по Мали перспективным является изучение антропологии нелегальных потоков в Феццане и регионе Агадес.

Отметим, что феномен нелегальных потоков не является принципиально новым. Контрабанда, которой кочевые племена Сахеля начали заниматься в 1970–1980-е гг., априори является нелегальной; однако, даже если говорить о наркотрафике и трафике мигрантов, то во многом они предшествовали началу общерегионального конфликта в 2012 году. Тем не менее, как показывает пример Мали, потоки выступили одним из движущих фактора конфликта; в то же время случай Нигера демонстрирует, как кооптация этих потоков помогла существенно снизить конфликтность в регионе.

Стоит отметить существенную устойчивость маршрутов нелегальных потоков, которые смогли выдержать весьма интенсивные боестолкновения. Примечателен и факт специализации маршрутов, который можно выразить фразой «чем нелегальнее, тем сложнее»: кокаин – через труднопроходимый горный перевал; мигранты, золото и дешевые синтетические наркотики в виде лекарств – через пограничные переходы. Эта устойчивость в конечном счете говорит о заинтересованности целой плеяды игроков в сохранении этих маршрутов незаконного трафика.

Как уже отмечалось выше, в Мали, Нигере и Ливии очевиден тренд на кооптацию нелегальных потоков или вовсе постановку их под прямой контроль со стороны государственных акторов. Это происходит несмотря на значительные усилия со стороны международного сообщества по остановке этих потоков. В определенной степени это свидетельствует о высокой степени укоренения этих трафиков и принятии сахельскими государствами своей «транзитной» роли. Это свидетельствует как о неуспешности международных инструментов борьбы с этими трафиками, так и об отсутствии viable экономических альтернатив такого рода источникам доходов для народов и государств региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Кузнецов, В.А. «Потаенные тропы Туниса»: жить и рассказывать революцию. М.: Институт востоковедения РАН, ГАУГН-Пресс, 2018.

Kuznetsov, Vasily A. *Tunisia's Hidden Paths: Living and Telling the Revolution*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, GAUGN-Press, 2018 [In Russian].

Матвеев, И.А. Политэкономика Сирии в конфликте: в 2 т. Т. 2: Трудный путь к восстановлению / отв. ред. В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2022.

Matveyev, Igor A. *The Political Economy of Syria in Conflict: in 2 vols. Vol. 2. The Hard Road to Reconstruction*, edited by Vasily A. Kuznetsov. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2022 [In Russian].

Степанова, Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь мир, 2005.

Stepanova, Ekaterina A. *The Role of Illicit Drug Business in the Political Economy of Conflict and Terrorism*. Moscow: Ves' Mir, 2005.

Bencherif, Adib, and Aurélie Campana. "Alliances of Convenience: Assessing the Dynamics of the Malian Insurgency." In *Islamism and Social Movements*

in North Africa, the Sahel and Beyond, edited by Aurélie Campana and Cédric Jourde, 115–134. New York: Routledge, 2018.

Bøås, Morten, and Liv Elin Torheim. "The Trouble in Mali—Corruption, Collusion, Resistance." *Third World Quarterly* 34, no. 7 (August 2013): 1279–1292. <https://doi.org/10.1080/01436597.2013.824647>.

Guichaoua, Yvan. "Tuareg Militancy and the Sahelian Shock Waves of the Libya Revolution." In *The Libyan Revolution and its Aftermath*, edited by Peter Cole, and Brian McQuinn, 321–335. London: Hurst, 2015.

Guichaoua, Yvan. *Circumstantial Alliances and Loose Loyalties in Rebellion Making: The Case of Tuareg Insurgency in Northern Niger (2007–2009)*. MICROCON Research Working Paper 20. Brighton: MICROCON, 2009.

Hassan, Hamdy. "The Salvador Pass Dilemma: Security, Violence, and the Paradox of Governance in the Sahel's Borderlands." *International Journal of Clinical Surgery* 3, no. 6 (2024). <https://doi.org/10.31579/2834-5118/057>.

Hinkel, Thomas. *Smuggling and Conflict Complexity in Mali: A Socio-Economic Approach*. The University of St Andrews: Thesis, PhD Doctor of Philosophy, 2024.

Julien, Simon. "The Sahel as a Drug Transit Zone: Actors and Political Consequences." *Hérodote* 142, no. 3 (2011): 125–142.

Lacher, Wolfram. *Libya's Fragmentation: Structure and Process in Violent Conflict*. Bloomsbury Publishing, 2020.

Le Billon, Philippe. *Wars of Plunder: Conflicts, Profits and the Politics of Resources*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Lecocq, Baz. *Disputed Desert: Decolonisation, Competing Nationalisms and Tuareg Rebellions in Northern Mali*. Leiden: Brill, 2010.

Lounnas, Djallil. *The Links between Jihadī Organizations and Illegal Trafficking in the Sahel*. MENARA Working Papers, 2018.

Mangan, Fiona. *Illicit Drug Trafficking and Use in Libya*. United States Institute of Peace, 2020.

Marsh, Nicholas. "Brothers Came Back with Weapons: The Effects of Arms Proliferation from Libya." *Prism* 6, no. 4 (2017): 78–97.

Micallef, Mark. *Shifting Sands – Libya's Changing Drug Trafficking Dynamics on the Coastal and Desert Borders*. Background Paper Commissioned by the EMCDDA for the EU Drug Markets Report, 2019.

Molenaar, Fransje. *Irregular Migration and Human Smuggling Networks in Niger*. Clingendael CRU Reports, February, 2017.

Niang, Amy. "Ransoming, Compensatory Violence, and Humanitarianism in the Sahel." *Alternatives* 39, no. 4 (2014): 231–251. <https://doi.org/10.1177/0304375415574451>.

Okoli, Al Chukwuma. "The State and Complex Threat Syndrome in the Sahel: Conflict, Crime, and Terror." *Society* 61, no. 5 (2024): 479–488. <https://dx.doi.org/10.1007/s12115-024-01021-4>.

Okon, Enoch Ndem, Victor Ojakorotu, and Iwara Eno Iwara. "Criminal Entrepreneurs and the Security Crisis in African Sahel." *Journal of Somali Studies: Research on Somalia and the Greater Horn of African Countries* 11, no. 2 (2024): 27–48. <https://dx.doi.org/10.31920/2056-5682/2024/v11n2a2>.

Raineri, Luca, and Francesco Strazzari. "Drug Smuggling and the Stability of Fragile States. The Diverging Trajectories of Mali and Niger." *Journal of Intervention and Statebuilding* 16, no. 2 (2022): 222–239. <https://dx.doi.org/10.1080/17502977.2021.1896207>.

Raineri, Luca, and Francesco Strazzari. "The Data That We Do (Not) Have: Studying Drug Trafficking and Organised Crime in Africa." *Trends in Organized Crime* 26, no. 4 (2023): 358–378. <https://doi.org/10.1007/s12117-023-09482-5>.

Raineri, Luca. "Gold Mining in the Sahara-Sahel: The Political Geography of State-Making and Unmaking." *The International Spectator* 55, no. 4 (2020): 100–117. <https://doi.org/10.1080/03932729.2020.1833475>.

Rizk, Joelle. "Exploring the Nexus between Armed Groups and the Trafficking and Smuggling of Human Beings in the Central Sahel and Libya." *Studies in Conflict, Terrorism* 47, no. 7 (2021): 1–21. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2021.2002687>.

Scheele, Judith. *Smugglers and Saints of the Sahara: Regional Connectivity in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139135412>.

Shaw, Mark, and Peter Tinti. *Organized Crime and Illicit Trafficking in Northern Mali. Research Report*. Geneva: The Global Initiative Against Transnational Organized Crime, 2014.

Shaw, Mark, and Tuesday Reitano. *The Political Economy of Trafficking and Trade in the Sahara: Instability and Opportunities*. Sahara Knowledge Exchange Paper. Washington, DC, World Bank, 2014.

Thurston, Alexander. *Jihadists of North Africa and the Sahel: Local Politics and Rebel Groups*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

Weihe, Mattea, Lea Müller-Funk, and Mounkaila Abdou. *How EU Pressure Hampers Circular Migration between Niger and Libya*. Hamburg: German Institute for Global and Area Studies (GIGA), Leibniz-Institut für Globale und Regionale Studien, Institut für Nahost-Studien, 2021.

Сведения об авторах

Григорий Валерьевич Лукьянов,

научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований
Института Востоковедения РАН

119017, Россия, Москва, ул. Рождественка, 12

e-mail: glukyanov@hse.ru

Александр Мартиросович Наджаров,

аналитик центра средиземноморских исследований Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики»

119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

e-mail: anadzharov@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 10 февраля 2025.

Переработана: 12 марта 2025.

Принята к публикации: 14 марта 2025.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Лукьянов, Г.В., Наджаров, А.М. Племена и трафик: транссахарские маршруты нелегальной торговли как фактор конфликта в Сахаро-Сахельском регионе // Международная аналитика. 2025. Том 16 (1). С. 125–143.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-1-125-143>

Tribes and Trafficking: Trans-Saharan Illegal Trade Routes as a Conflict Factor in the Sahara-Sahel Region

ABSTRACT

The conflict in the Sahel that began in 2012 is closely linked to the phenomenon of trans-Saharan illicit trade routes through Mali, Niger and Libya. These routes represent a type of trans-Saharan trade currently composed of a set of traffic: drug traffic, migrant traffic, and traffic in illegally mined gold. This article examines the factor of these flows in the conflict political economy of the Sahel. It is argued that the emergence and intensification of these flows have intensified inter- and intra-ethnic tensions between the main tribes involved in this trade: the Tuareg, Arabs, and Toubou. Using theoretical and methodological insights from the political economy of conflict, the authors show that these flows not only supported the activities of armed ethnic groups, but were themselves an opportunity for traditionally marginalized groups to redefine their position in the socio-economic hierarchy. The article analyzes this phenomenon through the case studies of three interconnected regions: northern Mali (Azawad), northern Niger (Agadez), and southwestern Libya (Fessan). The article also examines the evolution of the geographical routes of illegal flows and the strategies of state actors to co-opt them. The authors conclude that these flows are central not only to the political economy of conflict in the Sahel, but also to the economies of desert regions in general, suggesting the sustainability of the phenomenon of trans-Saharan illicit trade.

KEYWORDS

Mali, Niger, Libya, Sahel, drug trafficking, migration

Authors

Grigory V. Lukyanov,

Research Fellow, Center for Arab and Islamic Studies,
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science
12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 107031

e-mail: glukyanov@hse.ru

Alexander M. Nadzharov

Analyst at the Center for Mediterranean Studies, HSE University
17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 119017

e-mail: anadzharov@hse.ru

Additional information

Received: February 10, 2025. Revised: March 12, 2025. Accepted: March 14, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Lukyanov, Grigory V., and Alexander M. Nadzharov. "Tribes and Trafficking:
Trans-Saharan Illegal Trade Routes as a Conflict Factor in the Sahara-Sahel Region."
Journal of International Analytics 16, no. 1 (2025): 125–143.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-1-125-143>